
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина.
М. : Русский путь, 2013. С. 499–512

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Рената Гальцева
Москва

ПО ДОРОГЕ «КРАСНОГО КОЛЕСА»
В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ,
ИЛИ БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА

Александр Исаевич Солженицын — великий свидетель катастрофического для России XX века, на себе переживший её бедствия и связавший себя с её судьбой; лагерник ГУЛАГа, взявший на себя подвиг летописца, чтобы досказать то, что «не дошептали... недохрипели» умирающие узники, и тем воздать честь великому страданию, но и — заставить испытать страх и трепет перед невыносимой человеческой судьбой. И он — писатель, создавший художественно-историческую эпопею «Красное Колесо», чтобы помочь живущему и будущему человечеству избежать губительного движения к Архипелагу. Наглядная картина того, как закручивалось роковое колесо, учит тому, как раскрутить его, двигаясь по его пути в обратную сторону.

Солженицын — мыслитель, взявший на себя миссию «Вех», этого, по определению Петра Бернгардовича Струве, «призыва и предостережения <...> моральной и политической катастрофы»¹, ожидающей Россию; он, по сути, в одиночку подхватывает эстафету великолепной семёрки русских философов и правоведов, с самого начала своих идейных раздумий о путях России оценив это направление общественно-философской мысли как единственно насущное и спасительное для страны, для её возврата на плодотворный исторический путь некатастрофическим способом. Это политическая философия, базирующаяся на сочетании принципов свободы личности с религиозными основами социума; незыблемого верховенства закона со сверхэмпирическим фундаментом и эволюционным путём движения. Эти мысли проходят и в историческом полотне «Красного Колеса», и в актуальных откликах на современность. Посмотрим, в какой форме они были воплощены на плацдарме публицистических работ и какова была их судьба.

Публицистика Александра Исаевича, обращённая к сознанию современников, — статьи из сборника «Из-под глыб» (1969, 1973), «Жить не по лжи» (1974), «Как нам обустроить Россию» (1990), «Письмо к вождям Советского Союза» (1973, 1974), — по своим задачам, способам их решения и — шире — по своему мировоззрению коррелятивна публицистике авторов «Вех», исходящих из осознания «безысходного тупика» (выражение из Предисловия к сборнику²), в который попала страна. Солженицын аналогично оценивает

наше время: мы подошли к последнему краю великой исторической катастрофы. Так же как и столетие назад, участники «Вех», писатель обращается к сознанию интеллигенции, но не только — его аудитория расширяется в соответствии с радикально изменившимися со времён «Вех» обстоятельствами российской жизни, зажатой в чугунной скорлупе коммунизма. Будущее теперь зависит от разных социальных слоёв. Во избежание катастрофы Солженицын призывает всех живущих в России изменить жизненные установки, или, иначе, переменить сознание, пережить метанойю, во имя сохранения нации утвердиться на пути раскаяния в том, как мы жили три четверти века, ненавидя других и участвуя в «истребительно-жадном прогрессе», и — встать на путь самоограничения. Но он выступает с ещё более, казалось бы, непривычным, неожиданным, странным для «нашего скудного времени» обращением к человеческой совести россиян — жить не по лжи! — перестать поддерживать идеологию, навязанную партократией. От подсоветского человека в позднебрежневскую эпоху стёршихся тоталитарных зубов этот нравственный, достойный личности шаг потребует уже не смертельно опасных, а житейских жертв. Но это молчаливое сопротивление, напротив, смертельно опасно для режима: отказ приносить присягу его идолу неминуемо приведёт систему, держащуюся на этой единящей скрепе (независимо от веры или неверия в неё), к распаду. На обращение благосклонно-раздумчиво откликнулась в сборнике 75-го года немногочисленная группа близких к писателю людей; по большей же части слышались укоры в жестокости и утопичности³.

Но Солженицын делает ещё один неординарный, беспримерный по своему творческому решению шаг, обращаясь с генеральным призывом прямо на политический Олимп. Таким образом, он апеллирует сразу к обеим сторонам социальной структуры, условно говоря, и к «низам», и к «верхам». В «Письме вождям Советского Союза» (отправленном дважды, в частном порядке летом 1973-го и через прессу в январе 1974-го) — письмо, которое «родилось» у автора «из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы?»⁴, писатель убеждает власти отказаться от «цепкой когтистой умершей Идеологии», этой «всеобщей обязательной, принудительной к употреблению лжи», которая «стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране»⁵. И автор предупреждает верховных руководителей: «<...> с каждым годом то же самое будет настойчиво предлагать вам жизнь», причём не в лучшем варианте, — не «плавным» «путём спасения нашей страны, нашего народа»⁶.

Власти не откликнулись, интеллигенция возмущалась и посмеивалась и над утопизмом, и над преувеличенными взглядами писателя на идеологию. Однако судьба согласных ведёт, несогласных тащит. Горбачёв не от хорошей жизни объявил, что «общечеловеческие ценности выше классовых». Но не помню, чтобы при начавшейся перестройке критики Солженицына вспоминали о «Письме вождям»; действовала какая-то целенаправленная амнезия.

И это ещё не всё, что не было воспринято. Во всей публицистике писателя, включая конкретно-программную работу «Как нам обустроить Россию» (1990), звучали актуальнейшие опасения по поводу главной подстерегающей угрозы: болезненности выхода из-под глыб тоталитаризма. С начала 80-х, в разгар предперестроечного, уже сдвинутого времени, как и в начале 17-го года, на этапе феврализации, Россия стояла перед решающим выбором, и Солженицын предостерегал от резкого, «ускоренного» перехода от тоталитарной системы к демократии. Писатель развивал мысли, выраженные ещё в статье «На возврате дыхания и сознания», где он задавался в прямом смысле судьбоносным вопросом о системе, в которую России предпочтительнее было бы перейти при освобождении из-под тоталитарного режима: «<...> может быть, следует признать, что эволюционное развитие нашей страны от одной авторитарной формы к другой будет для неё естественней, плавнее, безболезненней?»⁷

Этот вопрос, вопрос о форме власти, стал самой горячей точкой в публицистике Солженицына, вокруг которой шли бои либеральной интеллигенции. Н.А. Струве в статье «О демократии и авторитаризме: Заметки на полях выступлений Солженицына» даёт понять (и давал понять тогда нам, за железным занавесом), каким «необоснованным нападкам со стороны третьей волны эмиграции» подвергся писатель. Е. Эткинд, В. Чалидзе, А. Синявский и многие их единомышленники стремились изобразить его тоталитарием, симпатизантом «аятоллы» и даже им самим; «дискредитировать в глазах Запада того, кого огромное большинство людей считает не только великим писателем, но и совестью России»⁸.

Со своей стороны, автор статьи намерен вывести обсуждение животрепещущего, общественно-политического вопроса в объективную плоскость и вести спор во «вдумчивых и лояльных» тонах⁹. Чтобы прояснить этот вопрос, последуем за ходом мысли Никиты Алексеевича. Тот выделяет два наиболее спорных пункта. Первый (вернее, первые) из них: Солженицын недолюбливает демократическую форму правления и для России будущего предпочёл бы власть более сильную, более авторитарную. Вторым пунктом: Солженицын озабочен и с о д е р ж а н и е м общественно-политического строя, а потому предпочёл бы связать его с религиозным возрождением в России. Однако, знакомясь далее с текстом, мы постепенно убеждаемся, что взгляды критика в основном совпадают с солженицынскими. И с тем, что демократическая форма правления непрочна и легко соскальзывает на тоталитарные рельсы (как это случилось при выборах Гитлера): «Отсутствие единой власти, — добавляет Струве, — привело четвёртую французскую республику к полнейшему тупику»¹⁰. И наоборот, смягчённая диктатура Франко переходит в демократический порядок вещей в форме конституционной монархии. Автор согласен и с принципиальным, рьяно оспариваемым в передовой среде тезисом писателя о необходимости мягкой формы авторитаризма при выходе из советского режима. «После 60 лет большевистской тирании, — поясняет

он, — при такой неподготовленной смене демократия и впрямь будет бессильна перед освобождёнными стихиями»¹¹. Но что же гарантирует «содержание общественного строя», или, иначе говоря, «доброкачественность авторитарного правителя»?¹² Н.А. Струве солидаризируется с идеей «трансцендентного идеала» Солженицына: «Демократическая форма правления», особенно на многопартийной основе, «бессильна при отсутствии единой власти» и «без религиозного наполнения не продержаться ни русской культуре, ни русской государственности»¹³. И он задаётся вопросом, содержащим в себе и ответ в духе Солженицына: «Жизнеспособно ли вполне секуляризованное <...> государство?»¹⁴

Как видим, в процессе «спора» позиции потенциальных оппонентов в итоге сошлись. Так что же в остатке? А вот что: Солженицын, замечает Струве, к сожалению, «не уточнил», «в каких формах» должна «протекать» авторитарная власть. Но на этот вопрос писатель загадочно ответил: «Возразят: эти пути совсем не видны, и новые формы тем более. Но и реальных путей перехода от нашей сегодняшней формы к демократической республике западного типа тоже нам никто ещё не указал. А по меньшей затрате необходимой народной энергии первый переход представляется более вероятным»¹⁵. Солженицын решение этой проблемы предоставляет будущему ходу конкретной истории — в реалистическом духе «непредрешенчества», — однако, набрасывая план принципиально иных, непартийных выборов государственной власти в России, он тем самым определяет и её трезвую реализацию.

Разделительную линию между потенциальными «оппонентами» при желании можно обнаружить проходящей, пожалуй, только по одному пункту, а именно по фатальному убеждению одного из них, якобы диктуемому историческим детерминизмом: что *демократия как форма государственного устройства*, а именно республика, неизбежна, чего писатель не разделял.

Проблема, оставшаяся неразрешённой, — это неясность форм и путей того самого неколебимого, «трансцендентного» фундамента для авторитарного правления (помимо помазанничества), который служил бы гарантом от тоталитарного захвата власти. И разрешима ли она сегодня?

В знаменитой работе «Как нам обустроить Россию» Солженицын развёртывает целую программу первоочередных действий, в которых намечен «размеренный выход из полосы наших несчастий».

Вот они:

1. Устранение компартии, без права «состраивать новую РКП».
2. Проведение процесса публичного «очищения» через «раскаяние» за участие в прошлых преступлениях и — процесса декоммунизации, запрещения коммунистической идеологии (по аналогии с денацификацией в Германии) и отстранения от дел «старой гвардии», которая «не сдвигается со своих мест» и «не судится».

3. Спасение духовной культуры от растекающихся через центральные каналы СМИ по всей стране нечистых потоков («все эти отбросы жадно впитывала наша молодёжь») — а это самая главная для писателя и самая сложная проблема — может быть вручено избранным, морально авторитетным людям. Восстановление гибнущих подлинных культурных центров, библиотек, музеев — принятием их на государственное обеспечение.

4. При переходе к свободному хозяйствованию защита малых предпринимателей и введение антимонопольного законодательства.

5. Государственное переустройство: замена отчуждённых от населения старых органов власти, основанных на «безликих» партийных списках, — земствами, растущими «снизу», «с мест» через независимые союзы и ассоциации путём избрания известных на местах, заслуженных лиц, и *постепенно* вытесняющими прежнюю администрацию. Так, демократия «малых пространств» избавляется от пороков партийной демократии, в атмосфере которой «кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня»¹⁶. В дополнение к земскому представительству, путём многоступенчатых выборов, завершаемых Всеземским собранием (парламентом), Солженицын предполагает ввести в Думу (правда, с совещательным голосом) представителей от профессий. Таким образом, интересы земель будут сочетаться с сословно-цеховыми, а территориально-корпоративный строй — с государственно-земским.

6. Безотлагательное восстановление рушащейся инфраструктуры и «здорового понятия “ремонта”» вместо культа «новозащитины», бурного потока утопических начинаний и новаций.

Я не касаюсь здесь замечательных мыслей по изменению внешней политики и восстановлению отношений с народами бывшей Российской империи. (И вот что поразительно. Весь этот серьёзный теоретический документ проникнут таким духом сердечности и участливости ко всем забытым и забытым обстоятельствами пострадавшим за годы Советской власти в далёких, медвежьих углах малым северным народам, что это одно могло бы остановить взор на «посильных соображениях» Солженицына даже неблизкого по взглядам и индифферентного к общим проблемам читателя.)

Однако глубоко и детально продуманная программа российских реформ, систематически изложенных в упомянутой работе, в которой использованы идеи замечательных русских мыслителей, как и опыт российской истории, — между прочим, непритязательно предложенная автором в качестве «некоторых отдельных соображений, не претендующих ни на какую окончательность, а только» предпосылающих «почву для обсуждений»¹⁷, — эта программа никогда не была поставлена на широкое общественное обсуждение. Политики стали «использовать» Солженицына «и делают это и сегодня, а на его поздние идеи сбережения народа им наплевать», — пишет в газету один из откликнувшихся на юбилей писателя вскоре после его кончины¹⁸. Зато в потоке газет-

ных и журнальных статей отечественные политологи из среды, казалось бы, потенциальных единомышленников выступали с заливчатской критикой по всем принципиальным пунктам предложенного государственно-политического переустройства. Главные камни преткновения: отрицание партийности; главенствующая роль самоуправления и земства; не прямая и по партийному принципу, а ступенчатая, территориально-цеховая выборность властей; мягкая авторитарность на переходный период; религиозные обоснования общественной жизни.

В итоге — «обвал», как и будет сказано. Правда, были предприняты попытки расстаться с прошлым. Но первая же инициатива президента Ельцина провести декоммунизацию оказалась сорванной Конституционным судом под руководством В. Зорькина, и, хотя запрета КПСС президенту удалось добиться, «состроилась» другая компартия, КПРФ, незаконно включившая в свои скрижали преемство от КПСС. Кадры «старой гвардии» при отсутствии люстрации остались на многих руководящих и преподавательских местах, а она, люстрация, была невозможна по причинам двоевластия в лице президента и прокоммунистического Верховного Совета во главе с Р. Хасбулатовым. Но главное — под либеральные крики об «охоте на ведьм».

Как ясно каждому, партии у нас не задались и только истощают «народную энергию». Не сладилось дело и с задавленным малым предпринимательством, но расцвели как раз монополии; административная система превратилась в сцементированный слой чиновничества, на корню истребляющий всякий росток самоуправления. А те инициативы снизу (солдатские матери, химкинский лес, «синие ведёрки», защита культурных достояний или детских площадок) — это скорее некие «бригады спасения», «сопротивления», зачатки гражданского общества, но никак не зародыши управления. Хозяйственная система приняла экзотический вид, не будучи ни социализмом, ни капитализмом (нет конкуренции). По определению одного из наших политологов, она есть «бюзнес», бюрократия плюс бизнес (Д. Орешкин), по определению другого — «рентно-сырьевой номенклатурный капитализм» (Л. Радзиховский). Была у нас затратная экономика, стала растратной. Религия оказалась гонимой в передовом общественном мнении, что усугубляется отдельными признаками близости церковной иерархии к государственной.

Теперь Солженицын, проходящий те же этапы, что и веховцы, издаёт своё итоговое «Из глубины» — работу «Россия в обвале», также содержащую уже не «предостережения» и неотложные меры, а горестные констатации и раздумья по поводу нового глубокого государственного и «всежизненного кризиса» (ср. у П.Б. Струве аналогично сказанное: сборник «Из глубины» издаётся по поводу тоже «уже совершившегося крушения»¹⁹). Ситуация «из-под глыб», откуда при усилии можно выбраться, сменяется пейзажем

«из-под развалин», которые — как разгрести?! Писатель уже не акцентирует немедленное переобустройство страны (по-прежнему настаивая на насущности тех же кардинальных перемен), ибо не надеется теперь, что его «соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни»²⁰. При этом он всё же не оставляет надежды на то, что «наше сознание и наш дух позволит подняться из нынешнего гибельного состояния», ибо «у нас ещё есть время отстояться и быть достойными нашего нестираемого 1100-летнего прошлого»²¹.

Но ведь из сегодняшней картины бедствий совершенно очевидно, что предложенные Солженицыным реформы были — и остаются (пусть с некоторыми коррективами на ход времени) — как раз тем единственным шансом выйти на дорогу, ведущую назад от «Красного Колеса» без очередного революционного перелома хребта. (Надо учесть, что технологический прогресс в сфере социальных сетей последнего десятилетия создал новые формы коммуникации, открыв перспективы «знакомства», узнавания лиц, поверх территориального «соседства», остающегося главным средством познания людей для провинциальной, конкретнее, для поселковой и сельской России.)

Две другие дороги нами вроде бы уже испробованы: семидесятилетие тоталитарного порядка и теперь вот — двадцатилетие пустотелой свободы, которая не несла ни опор, ни смысловых ограничений. Заря свободы, воссиявшая над нами с августовской контрреволюции 91-го, недолго стояла над горизонтом. А как же иначе? По закону пустоты в подобный теремок непременно вселятся какие-нибудь силы, а в итоге всех насельников вместе с постройкой одолеет самая беззастенчивая. И Конституция светского государства — как документ обоюдопревратный — здесь не в помощь, он, как видим, не гарантирует от «переформатирования» строя. И вот, мы наблюдаем, как с середины нулевых годов в нашем совершенно светском демократическом государстве начался процесс перетекания его в авторитарную форму знакомого образца, без трансцендентных гарантий, иначе говоря, пошёл процесс реставрации недавнего прошлого: сначала в области символов и эмблем, флага и гимна, превративших нашу символику в постмодернистскую экспозицию; затем — на плацдарме прав человека, когда гласность стала вытесняться беспоследственной для жизненной практики свободой слова, точнее, свободой высказывания; теперь в области политической системы — возвращением к фактической однопартийности, то есть к партократии, этому столпу и утверждению свергнутого строя. Наша внешняя политика снова обрела советские формы, по старинке отмежёвываясь от Запада и сближаясь с «отстойными» странами по всему миру. В последнее время на тропу новостной стилистики былого вступило и наше телевидение (которому, может быть, как никогда пригодилось бы напоминание о брошюре «Жить не по лжи»), рисующее новостную картину в хорошо памятном для нас бравурно-воинственном духе «два мира — два итога». И снова мы услышали старые

звуки бряцания оружием. Два исторических пути — советский и новороссийский — сходятся на одном перекрёстке.

Так кто же оказался неконструктивным, нездравомыслящим утопистом, тянущим Россию не в ту сторону, — Солженицын или двойной фронт его противников?

Восстав против коммунистической системы и её идеологии, писатель сразу повстречал железную гвардию идейных врагов, что естественно и закономерно; это закалённые, проверенные временем враги, травившие писателя при Советской власти под диктовку ЦК, а сегодня — по собственной склонности. Ныне они группируются вокруг коммунно-патриотических, краснокоричневых изданий (А. Нилов, В. Бушин), где клеветуют на ненавидимого писателя с повышенной степенью развязности. А вот мнения из этого лагеря, прозвучавшие в связи с изданием однотомника «Архипелаг ГУЛАГ» для школы²². Член Союза писателей России А. Полубота заявляет, что «Архипелаг», написанный пером «пораженца», вреден для молодёжи. «<...> Разрушительные семена, заложенные в нём, проросли и расцвели пышным цветом в эпоху перестройки и разгула либерализма 90-х». Видный советский службист Ю. Жуков протестует против приведённых в книге данных о количестве репрессированных (известный, «цифровой» приём просталинской апологетики в духе С. Кургиняна) и стремится внушить мысль о вредности для «неокрепших умов» этой антипатриотической книги, несущей «фашистские взгляды». На этом же обсуждении выступает пишущий в газету В.И. Колесов: ««Архипелаг ГУЛАГ» — шедевр фальсификации». В таком же ключе высказывались политические единоверцы: литературный критик М. Лобанов, создатель проекта «За Сталина!» И. Пыхалов, автор позорной книги против Солженицына В.К. Алмазов. Несколько ранее, к 90-летию писателя, опять же в «Литературной газете»²³ некоторые пишущие коллеги высказывались в том же духе. Крупин, помимо самолюбивой критики солженицынских произведений (мол, пишет он о том, о чём все знали), заявляет: он «разрушал страну, а потом советовал, как ее обустроить <...>. И обижался, что его не слушают» (а вот последние-то три слова верны). П. Палиевский собрал по сусекам разношёрстный компромат, под прикрытием коего назвал великого человека и польско-литовским лазутчиком смутных времён, и «тараном», «сознательно и целенаправленно» служившим разложению страны. Что тут скажешь? Идеология — страшная сила.

Неожиданность же состояла с том, что в новой России открылся второй фронт — с противоположного, либерально-интеллигентского фланга, силами «братьев по классу», страдавших и боровшихся с тем же режимом. Мы хорошо помним блистательное эссе Солженицына «Наши плюралисты» по поводу кипящей злобой и клеветой публицистики третьей волны эмиграции. Поразительная новизна новой формации интеллигентского сознания,

по сравнению с идееносной, с той, с какой имели дело «Вехи», состоит в их принципиальном, декларативном отрицании идеологии, в которой как таковой, после разочарования в коммунизме, усматривается неперемный симптом тоталитарности. Новые либералы, современная версия «ордена» интеллигенции (по Г.П. Федотову), объявляют о полной деидеологизации сознания под лозунгом «плюрализма», т.е. равенства всех точек зрения. (Солженицын замечает: странно, чтобы простое множественное число возводилось в такой сан.) По существу, утверждение множественности истин означает отрицание истины как таковой. «Разнообразие» в качестве высшего принципа бытия отменяет всякую универсальную основу как для различения истинного и ложного, добра и зла, так и для установления какой-либо человеческой общности. Исповедание «прогрессивной интеллигенцией» идей безыдейности и релятивизма определило Солженицыну — как представителю и предстателю органической России, защитнику правды-истины и правды-справедливости — место самого ненавистного врага прогресса. Между тем по своей агрессивности и недопустимости какого-либо отклонения от прокламируемого плюрализма эта идеология «второго» фронта столь же тоталитарна, как предыдущая, марксистская. «<...> интеллектуальная псевдо-элита, — писал Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию», — подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла, прикрывает равнодушие к ним “плюрализмом идей” и поступков»²⁴.

В этой безыдеальной атмосфере, под диктатом мировоззренческого плюрализма, протекает сегодня официальная духовная жизнь в России, в которой отсутствие высшего ориентира приводит к разгулу спекуляций на понижение. (Жизнь — как повозка на склоне: если её не толкать вверх, она покатится вниз. Тем более если её туда ещё и подталкивать.)

Имя Солженицына сегодня не часто упоминается, но не обязательно упоминать его, чтобы вести борьбу с ним, борясь с его делом, а значит, и с Россией; а борясь с Россией, бороться с его делом. Мы давно знаем о группе западных советологов и историков: А. Безансон, Р. Пайпс, З. Бжезинский и др. Особо выразителен ход мысли члена французской «Академии бессмертных» Безансона, который на путях сочетания разнокалиберных аргументов — от фрейд-марксистских до псевдобогословских — приходит к выводу о неисправимой злокачественности такого феномена, как Россия. (Об этом я более подробно писала в статье «Тяжба о России»²⁵.) А в статье «Солженицын в Гарварде»²⁶ академик сочинил пасквиль лично на Александра Исаевича.

В новых условиях свободы и у нас зазвучали рассуждения о невесёлой юдоли этой неладной страны (А. Ахиезер, А. Янов, И. Клямкин, Д. Фурман). Самый же передовой на сегодня наступательный отряд — это группа высокоостепенённых политтеоретиков (Ю.Н. Афанасьев, А. Илларионов, И. Яковенко, А. Пелипенко, А. Давыдов и др.), взявшихся за разработку кон-

цепции «Русская система», которая содержит, с одной стороны, набор давно известных инвектив в адрес страны и её многовековой истории; но с другой — совсем нетривиальные для либералов практические выводы. Прежде всего, не даёт покоя импозантный, академический теологумен о «манихео-гностической» матрице русского сознания, развиваемый вслед за Безансоном И. Яковенко и А. Музыкантским с таким креативным вдохновением, анализ которого не укладывается в границы доклада, но о степени достоверности, репрезентативности коего могут свидетельствовать отдельные фигурирующие у авторов аргументы: к примеру, ссылка на будто бы принадлежащую Л. Толстому максиму «Человек должен быть выше сытости»²⁷ как на доказательство глубинного гностицизма русской ментальности. И не так важно, что данная фраза принадлежит не великому писателю, а персонажу горьковского «дна» (что указывает всего лишь на прискорбную забывчивость авторов). О знании России и понимании русскости, которая награждается тут отборными пороками, свидетельствует и фирменная авторская парадигма русского человека как «неприкаянного»: он (построивший огромную империю) «скитается по пространству церкви» со свечкой в руке²⁸. В книге — а это обёрнутый в наукообразное одеяние ком фантастических или гиперболических обвинений — нет призывов к революции, зато содержится призыв в корне переделать русскую ментальность — что будет покруче социальных переворотов (особенно в момент, когда её нечем заменить).

Ю.Н. Афанасьев описывает Россию, в общем, банально, в терминах «средневековой монархии» с её «движением по кругу», вечным «обрушением в архаику», «догоняющим развитием», бездвижной православной церковью, веками формировавшей «кондовый» «ментально-психический механизм» русского сознания²⁹ (ну какое же «движение по кругу» или «обрушение в архаику», когда в 17-м году Россия обрушилась на мир, открыв эру социальной утопии?!). Во мнении о совершенно отпетом русском типе автор берёт в союзники Пушкина («пародия на человека» — где, когда? Не из «Евгения Онегина» же?), Гоголя («свиные хари»), Достоевского и далее³⁰ — в общем, русских классиков, создавших в литературе высший человеческий тип. Погружаясь в этот «психический механизм», политфилософ³¹ с рентгеновской пронизательностью обнаруживает, в дополнение ко всему сказанному, и такую фантастическую специфику русского сознания, как склонность к «перекодировке» всех дуальных явлений, то есть к рокировке «плюса» и «минуса». То, что у всего человечества считается положительным, у гиблого русского менталитета оказывается отрицательным, и наоборот. (Всё не как у людей!) Менталитет этот, а следовательно, и связанный с ним социальный строй никакому усовершенствованию не поддаются, он может быть только сломлен. Потому вся критико-просветительная деятельность по либерально-демократической модернизации, которой занята «системная оппозиция» в лице «Либеральной миссии» — клуба во главе с Е. Ясиным, — есть на самом деле

напяливание на неисправимую «культурно-социальную систему» западных одежд — либеральных ценностей, неприемлемых для России. «Либеральные миссионеры» объявляются тут «коллораборационистами», только продлевающими жизнь «нашей преступной власти»³², а выражаясь на ленинский манер (столь родственной непримиримым критикам³³) — они либерал-предатели и оппортунисты, которые «блокируют выход России из цивилизационного тупика»³⁴. К какому же «выходу» нас призывают? Если прямо заявлено, что эволюция «этого режима» невозможна, *ergo*... И хотя сами слова «революция», «свержение» тут не употребляются (как-никак уголовная статья...), это остаётся в качестве единственного выхода из российской колеи. Зато в предшествующей статье тройственных авторов: опять же Ю.Н. Афанасьева, а также А.П. Давыдова и А.А. Пелипенко — «Вперёд нельзя назад», писанной, по-видимому, ещё в запале безоглядности, наши авторы откровенно прокламируют «осмысленное и целенаправленное насилие»³⁵, дезавуируя пушкинскую формулу о «бессмысленном и беспощадном бунте». И расчёт тут на героических личностей лимоновской закалки или, говоря словами Солженицына из «Марта Семнадцатого», — на пусть малую группу, «но предельно решительных лиц».

Так новые радикалы сошлись в одной точке с национал-большевиками и зовут нас снова катиться по дороге «Красного Колеса». (Тема эта замечательно описана в полемическом эссе И. Роднянской³⁶, конвоируемом отповедью главного редактора.)

Как видим, современный «орден» интеллигенции, приобретая невиданную радикальность, только закалил свои извечные свойства: отщепенство от русской истории, русского государства и — атеизм: православной церкви тут уготована роль лишенца и изгоя не только государства, но и общества. Уместно вспомнить и удивлённое замечание Солженицына в 80-е годы по поводу новой генерации «ордена», «который сливается со старыми редемами... И в охамлении русской истории. И в ненависти к православию. И к самой России... А вот — и в применении лжи как конструктивного элемента?»³⁷.

Пока мы размышляем над идеями Солженицына о «размеренном выходе» России «из полосы наших несчастий»³⁸, на идейной отечественной авансцене возникают вызывающие оторопь проекты известных людей, будто бы задавшихся целью по пунктам побороть тезисы писателя набором своих антитезисов. Не «сбережение народа», а расформирование его; не восстановление исторической связи, а её разрыв; не возрождение культурной, христианской, традиции, а отсечение её³⁹; и — самое грозное для неё сегодня — не вдумчивый, эволюционный путь, но безответственное вовлечение нации в революционную катастрофу⁴⁰.

Солженицын совершил три творческих подвига.

Первый. «Архипелаг ГУЛАГ», памятник всем замученным и убиенным, — это Нюрнбергский процесс по декоммунизации страны, не проведённый государством.

Второй. «Красное Колесо» — это восстановленная картина революционного пути, который учит нас, чего нужно избегать, чтобы уйти от повторения прошлого.

Третий. Публицистика, в которой разработана система реформ, возвращающих Россию на историческую дорогу.

Писатель в одиночку совершал работу, действуя и за власть, и за мыслящий слой, — работу, которая должна была бы быть подхвачена и воплощена в жизнь страны. Однако этого не случилось. Писатель остаётся последним инакомыслящим в сегодняшнем мире...

Но я верю, что дело Солженицына не останется втуне и Россия не растворится во мгле; что наступит время, когда философия «либерального консерватизма», завещанная нам самыми глубокими умами — Пушкиным, Вл. Соловьёвым, авторами «Вех», а теперь вот и Солженицыным, — будет оценена и одержит победу в нашей общественной мысли и жизни.

Примечания

¹ Из глубины: Сб. ст. о русской революции. Париж: YMCA-Press, 1967. С. XVIII.

² См.: Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерёв и К^о, 1909. С. 3.

³ В интервью журналу «Time» от 19 января 1974 г. Солженицын отвечает на критику Роя Медведева, который «в своей рыхлой» и «скучной» статье выдвигает «смехотворное предложение»: обращаться нашему оппозиционному движению за поддержкой к западным компартиям (когда, замечает он, они и своих-то не поддерживали в других частях света!). Братья Медведевы предлагают «терпеливо, на коленях» ждать, пока наверху «какие-то левые» среди «каких-то правых» членов ЦК возьмут дело в свои руки; а пока нас будут сажать в тюрьму, а «мы будем развивать марксизм». Как знаменательно выпукло выглядит тут моральный облик одного из известных оппозиционеров нашей эпохи! (См.: Жить не по лжи: Сб-к материалов (август 1973 – февраль 1974). Самиздат, 1975.)

⁴ Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза (1973) // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 148.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ См. там же. С. 185.

⁷ Солженицын А.И. Из-под глыб: Сб. ст. М.: Русская книга, 1992. С. 20.

⁸ Струве Н.А. О демократии и тоталитаризме: Заметки на полях выступлений Солженицына // Вестник РХД. Париж: YMCA-Press, 1979. № 130. С. 247.

⁹ См. там же. С. 248.

¹⁰ Там же. С. 250.

¹¹ Там же.

¹² См. там же. С. 251–252.

¹³ Там же. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 254.

¹⁵ Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания // *Солженицын А.И. Из-под глыб*. С. 20.

¹⁶ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 46.

¹⁷ См. там же. С. 59.

¹⁸ См.: *Майский В.М.* // Литературная газета. 2010. 8–14 декабря.

¹⁹ См.: *Струве П.Б.* Предисловие издателя // *Из глубины*. С. 25.

²⁰ Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 3.

²¹ Там же. С. 204.

²² См.: Литературная газета. 2010. 8–14 декабря. «Книжная полка»: Уроки Гулага в школьном расписании. (Обсуждение.)

²³ См.: Литературная газета. 2008. 10–16 декабря.

²⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. С. 45.

²⁵ См.: *Гальцева Р.А.* Знаки эпохи: Философская полемика. М.: Летний сад, 2008. С. 217–258.

²⁶ См.: *Безансон А.* Солженицын в Гарварде // *Солженицын: Мыслитель, историк, художник: Западная критика (1974–2008)*: Сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 364–382. Мой отклик на это выступление опубликован в журнале «Посев» (2012. № 1).

²⁷ См.: *Яковенко И., Музыкантский А.* Манихейство и гностицизм: Культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2011. С. 149. Интересно, что для босяка Сатина «человек выше сытости» — «это звучит гордо», потому что он из низин своего ущербного существования видит в человеке отблеск сверхчеловеческого, а наши «теософы» отказывают человеку в отличии от животного.

²⁸ См. там же. С. 137.

²⁹ См.: *Афанасьев Ю.Н.* Возможна ли в России либеральная миссия? // *Континент*. Париж; Москва: АНО «Независимая редакция журнала “Континент”», 2011. № 148+. С. 24 и др.

³⁰ См. там же. С. 13.

³¹ Автор — в прошлом крупный комсомольский функционер, удачливый предприниматель, член партии до 1991 г., депутат Верховного Совета СССР, участник демдвижения при Б. Ельцине.

³² См.: *Афанасьев Ю.Н.* Указ. изд. С. 14, 20.

³³ Впрочем, язык большевистской агитации и пропаганды соседствует в этих текстах с заумью постмодернистского дискурса. Вот типичный образец из А. Пелипенко: «Психологической основой ключевых мифологем, лежащих в основе РС (Русской системы. — Р.Г.), является особый режим установления партиципационных отношений с источником порядка, при котором сознание индивида априорно полагает себя как часть по отношению к внеположному целому». И т.д. и т.п. (цит. по: там же. С. 16).

³⁴ См. там же. С. 15.

³⁵ См.: *Афанасьев Ю.Н., Давыдов А.П., Пелипенко А.А.* Вперёд нельзя назад // *Континент*. М., 2009. № 141. С. 221.

³⁶ См.: *Роднянская И.Б.* Россия в прозекторской // *Континент*. М., 2010. № 144. С. 420–429.

³⁷ Солженицын А.И. Наши плюралисты // *Вестник РХД*. Париж: YMCA-Press, 1983. № 139. С. 160.

³⁸ См.: *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. С. 32.

³⁹ Откуда-то у Афанасьева вдруг появляется Истина (с прописной!), ни источник коей, ни субъект коей совершенно неясны (см.: *Афанасьев Ю.Н.* Указ. изд. С. 17).

⁴⁰ *Позднейшее примечание.* Революционное возбуждение в рядах радикальной критики достигает своего акме в «Декабрьских тезисах для граждан России» А. Илларионова (см.: Грани.Ру от 4 и 28 декабря 2011), содержащих намеренную аллюзию Апрельских тезисов «О задачах пролетариата в данной революции». И пусть у Илларионова не фигурирует само слово «революция», но если вникнуть в его тезисы — демонстративно не сотрудничать с властью (это вам не «жить не по лжи», а — «никакой поддержки Временному правительству!»); сменить всех, «ликвидировать нынешний политический режим» (тезис 14-й) и т.д., — то они окажутся, аналогично ленинским, призывами к настоящему большевистскому перевороту. Только на месте революционного пролетариата здесь постулируется более всеобъемлющее, «гражданское движение» во главе с революционным штабом в виде круглого стола. Такого рода теоретизирование представляется неким симбиозом лживого фантазирования и безрассудного отрыва от реальной России.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскураина Елена (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октября Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549